

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 73—99.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 1. P. 73—99.

Научная статья

УДК 94(37).08

DOI: 10.46725/IW.2022.1.4

АММИАН МАРЦЕЛЛИН И ПЛАТОНОВСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ: ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV ВЕКА

Дмитрий Валерьевич Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
dima75ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4911-0633>

Аннотация. В статье впервые предпринята попытка рассмотреть творчество языческого историка IV в. Аммиана Марцеллина через призму платоновской философии. Ни зарубежная, ни отечественная историография, при всей ее обширности, не анализировала сколько-нибудь подробно вопросы влияния на историка платоновской и неоплатоновской философии, чрезвычайно популярной в эпоху поздней Римской империи. Основная задача нашего исследования заключается в том, чтобы проследить влияние платоновского философского наследия в историческом произведении Аммиана Марцеллина «Res Gestae», тем более что он практически единственный из всех языческих историков IV в., который подробно описывает свои философские взгляды. Следует отметить, что Аммиан Марцеллин — это тот историк, который привлекает платоновскую философию не для своеобразного «украшения» своего текста. Он, без сомнения, прекрасно разбирается в ней, ее основных положениях и понятиях и с их помощью, тем самым, «усиливает» свои

размышления и многочисленные отступления. Аммиан, вне всякого сомнения, знает центральное понятие всей платоновской философии — учение об идеях. На основе этого в «Res Gestae» присутствует довольно развернутая концепция, базирующаяся на трудах Платона и Плотина, о круговороте, перерождении души человека согласно закону Адрастеи. Аммиан правильно понимает, что звезды — это то место, где обитает душа до своего воплощения в материальный, чувственный мир. И, наконец, историк достаточно точно излагает представления об индивидуальных духах-покровителях человека, даэмах, дающих ему с самого рождения. Особо следует отметить образ императора Юлиана, одного из центральных персонажей всего произведения. Основные положения философии Платона и Плотина встречаются именно в тех местах текста «Res Gestae», где речь идет о характеристике этого правителя, тем самым раскрывается и без того убедительный образ императора как приверженца и ревнителя исключительно языческих взглядов. Поэтому все вышеперечисленные факты, бесспорно, выдают в Аммиане Марцеллине автора, цитирующего и упоминающего философов-платоников не хаотично и беспредметно, а с глубоким пониманием смысла этого цитирования.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Платон, Сократ, Плотин, Олимпиодор, Юлиан, поздняя Римская империя, платонизм, неоплатонизм

Для цитирования: Кареев Д. В. Аммиан Марцеллин и платоновский интеллектуализм: история и философия в поздней Римской Империи IV века // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 73—99.

Original article

AMMIANUS MARCELLINUS AND PLATO'S INTELLECTUALISM: HISTORY AND PHILOSOPHY IN THE LATE FOURTH-CENTURY ROMAN EMPIRE

Dmitry V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
dima75ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4911-0633>

Abstract. This article is the first attempt to examine the work of the pagan historian Ammianus Marcellinus IV century through the prism of Platonic philosophy. Neither foreign nor domestic historiography, for all its vastness, has analyzed in any detail the questions of the influence on the historian of Platonic and Neoplatonic philosophy, which was extremely

popular in the era of the late Roman Empire. The main task of our research is to trace the influence of Plato's philosophical heritage in the historical work of Ammianus Marcellinus "Res Gestae", especially since he is practically the only one of all the pagan historians of the fourth century who describes his philosophical views in detail. It should be noted that Ammianus Marcellinus is the historian who attracts Plato's philosophy not for a kind of "decoration" of his text, but who is undoubtedly well versed in it, knows its main provisions and concepts, and with their help, thereby "strengthens" his reflections and numerous digressions. Ammianus undoubtedly knows the central concept of all Platonic philosophy — the doctrine of ideas. On the basis of this, in the "Res Gestae" there is a rather detailed concept, based on the works of Plato and Plotinus, about the cycle, the rebirth of the human soul according to the law of Adrasteia. Ammianus correctly understands that the stars are the place where the soul dwells before its incarnation in the material, sensual world. And, finally, the historian quite accurately sets out the ideas about the individual spirits-the protectors of man, the daemons, given to him from birth. Of particular note is the image of the Emperor Julian, one of the central characters of the entire work. The main provisions of the philosophy of Plato and Plotinus are found precisely in those parts of the text "Res Gestae" where we are talking about the characteristics of this ruler, thereby revealing the already convincing image of the emperor as an adherent and zealot of exclusively pagan views. Therefore, all of the above facts, undoubtedly, give out in Ammianus Marcellinus an author who quotes and mentions Platonic philosophers not chaotically and pointlessly, but with a deep understanding of the meaning of this citation.

Keywords: Ammianus Marcellinus, Plato, Socrates, Plotinus, Olympiodorus, Julian, late Roman Empire, Platonism, Neoplatonism

For citation: Kareev, D. V. (2022), 'Ammianus Marcellinus and Plato's Intellectualism: History and Philosophy in the Late Fourth-Century Roman Empire', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 73—99 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Эпоха поздней Римской империи на сегодняшний день, без сомнения, представляет собой уже отдельный, завершающий этап в истории античности. Естественно, что в исторической науке ведутся и еще долгое время будут вестись дискуссии относительно того, когда начался этот этап, и, что не маловажно, когда он закончился. Тем не менее следует признать,

что, начиная с правления Диоклетиана и установления Тетрархии, перед историками предстает уже совсем другая Римская империя, нежели в период Принципата и даже смут III века.

Именно в это время, несмотря на глобальный социально-политический кризис, охвативший Империю в III в., и внешнеполитические потрясения IV в., а во многом и вопреки им, в языческой интеллектуальной среде формируются такие философские направления, как неопифагореизм и неоплатонизм, мировоззренческой основой которых становится платоновская философия. Не вызывает сомнения и тот факт, что фигура Платона для поздней античности является во всех отношениях знаковой. Она определяет весь интеллектуально-философский ландшафт той эпохи.

Не стала здесь исключением и языческая латинская историография IV в., которая в лице ее главного представителя Аммиана Марцеллина также пыталась восстановить не только классические нормы античного историописания, но и классическую античную культуру и философию.

Историографический обзор. Актуальность проблемы, вынесенной в заголовок статьи, заключается в том, что изучение проблемы сознания древнего автора и выявление его концептуальных установок до недавнего времени во многом оставалось на обочине как в отечественной, так и зарубежной историографии. Произведения античных историков интересовали исследователей, главным образом, как источники сведений о событиях, быте или языке той или иной эпохи, но не как сочинения, раскрывающее мировоззрение писателя. Не стал здесь исключением и Аммиан Марцеллин, так как историография нашего автора, при всей ее обширности, не анализировала сколько-нибудь подробно вопросы влияния на него платоновской и неоплатоновской философии. Основные темы главным образом касались различных аспектов правления императоров Констанция II, Юлиана, Иовиана, Валента и Валентиниана I, событийной истории, вопросов хронологии и географии римско-персидских войн IV в., источников базы сочинения Аммиана и обстоятельств его биографии [Из наиболее важных работ укажем: Дмитриев, 2007: 32—42; 2008: 12—23; Карапетян, 2018: 135—152; Удалыцова, 1968: 38—60; Barnes, 1993: 55—70; 1998; Kalafikis, 2014: 15—50; Matthews, 1989: 71—80; 1994: 252—269; Morley, 2016: 10—25; Rohrbacher, 2002]. Отдельно

здесь стоит отметить статью З. В. Уdal'цовой, посвященную не вполне традиционной для советской историографии теме мировоззрения Аммиана Марцеллина [Уdal'цова, 1968: 38—39]. В ней автор, наряду с описанием всей концепции сочинения Аммиана, раскрывает и его взгляды в целом на античную культуру, а также на языческую платоновскую и неоплатоновскую философию того времени [Уdal'цова, 1968: 40—43].

Поэтому новизна исследования будет заключаться в том, что наша работа представляет собой первую попытку детально проследить влияние философских текстов Платона и неоплатонических философов III—IV вв. в историческом сочинении Аммиана Марцеллина.

Постановка вопроса. Целью данной работы стало изучение «философских» мест текста Аммиана Марцеллина, непосредственно или опосредованно связанных с именем Платона, и выяснение того, что конкретно использовал историк из философского наследия прошлого, и с какой целью он это делал, тем более что Аммиан практически единственный из всех языческих историков IV в., который подробно описывает свои философские взгляды и предпочтения.

Методология и методы исследования

Исходя из поставленной цели, в работе используются и сочетаются историко-компаративный и нарративный методы исторического анализа.

Основная часть

Вначале остановимся подробнее на биографии нашего историка, поскольку его воспитание и дальнейшая карьера во многом дают ответ на вопрос, почему именно платоновская философия стала своеобразной культурной основой его исторического труда. Аммиан пишет о себе, что он был «младшим» («adulescentes eum sequi iubemur») в корпусе офицеров, служивших под начальством магистра конницы Востока Урсицина в 357 г. [Ammianus Marcellinus, 1935: 254]. Слово «adulescens» обычно применялось к тем, кто был моложе 30 лет, что предполагает, что Марцеллин родился в конце 320-х или начале 330-х гг. Его

родиной почти наверняка был сирийский город Антиохия, один из самых важных городов империи в IV веке [Rohrbacher, 2002: 14]. Это антиохийское наследие помогает нам объяснить и его удивительное решение писать на латыни, а не на греческом языке, хотя он называет себя греком в конце работы и, часто приводя греческие слова, комментирует их фразой «как мы это называем...» («quem habitum vocamus») [Rohrbacher, 2002: 14]. В Антиохии его юности латынь давно была привычным языком. К тому же император Констанций II очень часто использовал Антиохию в качестве своей базы во время своих войн против Персидского царства на протяжении 340-х гг., и город был заполнен латиноязычными солдатами и чиновниками [Rohrbacher, 2002: 14].

Действительно, если учитывать то, что мы знаем о ранней карьере Аммиана, не исключено, что он вырос в латиноязычной семье [Rohrbacher, 2002: 14; Matthews, 1989: 71—80]. При этом он служил в звании протектора доместиков, а многие достигали этого положения только в течение долгих лет службы, но будущий историк был еще молодым человеком, когда стал протектором, что позволяет предположить, что он получил свое звание через семейные связи. Его отец, вероятно, был солдатом, и, возможно, даже тем самым могущественным Марцеллином, который был *comes Orientis* в 349 г. [Rohrbacher, 2002: 15; Barnes, 1998: 58].

Мы можем извлечь некоторые наводящие на размышления сведения о юности Аммиана и его интеллектуальной образованности из тех замечаний, которые разбросаны по всему тексту *«Res Gestae»*. Он описывает себя как *«ingenuus»*, то есть свободнорожденным, благородного происхождения и поэтому привыкшим скорее ездить верхом, чем ходить пешком [Ammianus Marcellinus, 1935: 510; Rohrbacher, 2002: 15]. В 359 г., по его словам, он жил в доме некоего Иовиниана, который был сатрапом Кордуэны, находившейся тогда под властью Персии [Ammianus Marcellinus, 1935: 447; Rohrbacher, 2002: 15]. Этот Иовиниан свою юность провел в качестве заложника Рима «и, будучи поселен в Сирии, пристрастился к наукам» [Ammianus Marcellinus, 1935: 447; Rohrbacher, 2002: 15]. Возможно, что Аммиан и Иовиниан познакомились еще в молодости, в период своего обучения. Это знакомство отчасти раскрывает и космополитический характер Антиохии юности Аммиана Марцеллина.

Поэтому вполне естественно, что для Аммиана Марцеллина — грека по происхождению, большого поклонника императора Юлиана — философия Платона занимала далеко не последнее место, хотя, исходя из анализа текста его главного труда, поначалу трудно сделать такой вывод, поскольку имя философа мы можем обнаружить буквально в считанных местах его произведения. В эпилоге он пишет: «Вот что я, бывший солдат и грек по происхождению («*miles quondam et Graecus*»), изложил по мере сил, начав от правления Цезаря Нервы и доведя рассказ до гибели Валента» [Аммиан Марцеллин, 2005: 576]. В, казалось бы, парадоксальном контрасте этой фразы, по мнению Д. Рорбахера, раскрываются два отличительных качества Аммиана: с одной стороны, он солдат, то есть человек действия, а с другой стороны, ученый, знаток древней литературы, отважившийся на большой труд на неродном для него языке [Rohrbacher, 2002: 25]. Подтверждением этого обстоятельства служит письмо знаменитого антиохийского ритора Либания, написанное в 360 г., и, вполне возможно, относившееся к нашему историку. В нем Либаний пишет, что «он (вероятнее всего, наш историк. — Д. К.) зачислен в армию, но на самом деле он зачислен в число философов; он подражал Сократу, несмотря на то, что имел доходную работу — прекрасный Аммиан» [Rohrbacher, 2002: 19]¹.

Определение «*Graecus*» может также иметь и религиозное значение, и обозначать человека приверженного эллинской культуре и интеллектуальной традиции, то есть, другими словами, язычника. Смешение греческой и латинской культур в творчестве Аммиана — это одна из самых интригующих особенностей «*Res Gestae*». То, что грек решил писать на латыни, само по себе удивительно, несмотря на то, что латынь во многих отношениях была мировым языком, а также языком армии и двора, изображенного у Аммиана [Rohrbacher, 2002: 25]. И этот «греческий фон» постоянно демонстрируется у Аммиана, поскольку некоторые лингвистические особенности его труда лучше всего можно объяснить пониманием того, что автор и мыслит по-гречески [Rohrbacher, 2002: 25].

¹ Однако Т. Барнс считает, что адресат Либания — это не наш историк: *Barnes T. D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. N. Y., 1998. P. 57.*

Одним из аспектов «Res Gestae», который, по-видимому, больше соответствует греческой историографической традиции, чем латинской, является широкое использование Аммианом Марцеллином формальных отступлений. Ни один историк, за исключением Геродота, не может сравниться с ним по абсолютному разнообразию тематики этих отступлений. Аммиан предоставляет читателю широкий спектр географической, этнографической, научной, философской и религиозной информации. И многие из отступлений Аммиана появляются как раз в разделе его труда, посвященном императору Юлиану [Rohrbacher, 2002: 26]. Комментарии Аммиана о Юлиане более чем убедительно подтверждают его суждение о беспристрастном подходе к описанию как всех событий римской истории, так и этого правителя. Император, несомненно, является героем произведения, и, когда Аммиан начинает описывать кампании Юлиана в Галлии, он предупреждает, что, хотя он всегда будет говорить правду, его рассказ будет казаться почти панегириком [Аммиан Марцеллин, 2005: 72; Rohrbacher, 2002: 30]. Он выгодно сравнивает Юлиана с величими императорами прошлого, такими как Тит, Веспасиан, Траян и Марк Аврелий [Аммиан Марцеллин, 2005: 72; Rohrbacher, 2002: 30]. Отступления от основного повествования описывают многие выдающиеся качества Юлиана, и после его смерти его добродетели излагаются как в официальных энкомиях [Аммиан Марцеллин, 2005: 358—361]. Тем не менее, несмотря на явную предвзятость некоторых частей своего труда, Аммиан дает читателю несколько критических замечаний о карьере и характере императора. Юлиан был «скорее суеверным, чем точным [точным] в исполнении священных обрядов» («superstitiosus magis quam sacrorum legitimus observator») [Аммиан Марцеллин, 2005: 361—362; Ammianus Marcellinus, 1939: 510], склонным к чрезмерным жертвоприношениям и зависимости от ненадежных прорицателей. Вместе с тем, Аммиан критикует некоторые законы Юлиана, такие как, например, знаменитый его закон, запрещавший христианам преподавать языческую классику [Аммиан Марцеллин, 2005: 362]. Таким образом, из этого описания складывается во многом убедительный образ императора, приверженца и ревнителя исключительно языческих взглядов, пытающегося занять свое место в ряду великих правителей прошлого.

Но именно в этих отступлениях от основного повествования, связанных с личностью императора Юлиана, и содержаться сведения о Платоне и его философии. При всей краткости этих сообщений, тем не менее, они достаточно наглядно выдают в Аммиане знатока и почитателя платоновской философии.

Рассмотрим каждое из этих упоминаний отдельно, по мере их появления в тексте. Первое из них относится к 356 г. и связано с похвалой Цезарю Юлиану, когда тот находился в Галлии и готовился выступить в поход против аламаннов. Аммиан пишет: «Поскольку ему, философу, приходилось теперь, как государю, выполнять приемы военного учения и обучаться искусству маршировать на манер пиррихи под звуки флейт, он произносил про себя, нередко произнося имя Платона, старую пословицу: “Седло надели на быка! Не по нам это бремя”» [Аммиан Марцеллин, 2005: 78]. В этом случае имя Платона пока упоминается только для того, чтобы усилить характеристику будущего императора Юлиана, подчеркнуть философский характер правителя, его приверженность именно философскому образу жизни. При этом Аммиан приводит старую пословицу, на которую ссылался еще Цицерон в своих письмах к Титу Помпонию Аттику [Письма Марка Туллия Цицерона, 1950: 10].

Второе упоминание связано с персидским походом императора Юлиана 363 г. и относится к описанию провинций Персидского царства. Аммиан Марцеллин описывает земли, «которые отделяют Каспийское море от Красного», полагая, что «в этих пределах лежат плодородные земли магов» [Аммиан Марцеллин, 2005: 313]. Далее он пишет, что «знаменитый Платон» («*amplissimus Plato*»), «создатель великих идей» («*insignum auctor*»), называет магию магическим словом *machagistia*: это самое совершенное богочтение» [Аммиан Марцеллин, 2005: 313]². Этот термин, и вообще какое-либо упоминание о магии, у Платона не встречается. Вполне возможно, что Аммиан здесь занимается своеобразным словоизобретательством, как и сам Пла-

² Следует отметить, что в издании Аммиана в серии Loeb Classical Library принимают чтение «*hagistiam*», а не «*machagistiam*»: *Ammianus Marcellinus / with an english translation J. C. Rolfe, in 3 vols. Vol. 2. L.*, 1940. P. 366.

тон в диалогах «Кратил» или «Федр» [Платон, 1993: 153]. По нашему мнению, весь этот пассаж Аммиана Марцеллина о магах представляет собой неявную отсылку к этим диалогам Платона, а само имя философа в этом случае привлекается в качестве своеобразного авторитета.

Однако тут можно вспомнить чрезвычайную популярность персидской и индийской магии и философии среди интеллектуалов Греции и Рима и вообще интерес к восточным мистериальным культурам. Достаточно упомянуть имя основателя неоплатонизма Плотина, специально принявшего участие в неудачном персидском походе императора Гордиана III 242 г. для того, чтобы попытаться проникнуть в Персию и Индию с целью изучения философии тех земель [Порфирий, 2010b: 428]. У Диогена Лаэртского, автора III в., в биографии Платона мы также можем найти упоминание о несостоявшейся поездке Платона к неким магам [Диоген Лаэртский, 2010: 138]. Также в анонимном тексте VI в. «Пролегомены к платоновской философии», созданном, вероятнее всего, в одной из платоновских школ Александрии, сказано, что из Персии «ради Платона маги сами явились в Афины, стремясь приобщиться к его философии» [Анонимные пролегомены к платоновской философии, 1986: 482]. Олимпиодор,alexандрийский неоплатоник VI в., в «Жизни Платона» говорит о том, что Платон «хотел познакомиться с магами, но так как в это время в Персии случилась война..., то он отправился в Финикию и там познакомился с магами и выучился магической науке» [Олимпиодор, 2010: 414]. К тому же последние неоплатоники в начале VI в., во главе со схолархом Платоновской Академии в Афинах философом Дамаскием, бежали после гонений и закрытия Академии императором Юстинианом в 529 г. именно в Персию, где пытались обучить платонизму шаханшаха Хосрова I [Лосев, 2000b: 411].

Это отступление Аммиана Марцеллина вдвойне любопытно, поскольку здесь можно найти еще упоминание «бактрийца» Зороастра («*Bactrianus Zoroastres*»), а также царя Гистаспа, «мудрейшего» отца Дария («*deinde Hystaspes rex prudentissimus Darei pater*») [Аммиан Марцеллин, 2005: 313; Ammianus Marcellinus, 1940: 366—368]. Далее, согласно рассказу историка, Гистасп в «спокойной тишине» («*tranquillis silentiis*») постиг у брахманов

«законы мирового движения, течения звезд и чистые обряды священнодействия» («eorumque monitu rationes mundani motus et siderum purosque sacrorum ritus quantum colligere potuit eruditus») [Аммиан Марцеллин, 2005: 313; Ammianus Marcellinus, 1940: 368]. Однако подобных фактов в биографии Гистаспа мы не знаем.

Третье упоминание имени Платона относится все к тому же 363 г., но связано уже с гибелью императора Юлиана в ходе его неудачного персидского похода. Особенно показателен тот эпизод, где Аммиан описывает последние часы жизни Юлиана, по сути, сравнивая императора с Сократом: «Все присутствующие плакали, и Юлиан властным тоном порицал их даже в такой час, говоря им, что недостойно оплакивать государя, приобщенного уже к небу и звездам. Тогда все умолкли, лишь сам он глубоко-мысленно рассуждал с философами Максимом и Приском о высоких свойствах духа человеческого» [Аммиан Марцеллин, 2005: 358; Удальцова, 1968: 40]. В описании этой сцены можно усмотреть неявную отсылку к диалогу Платона «Федон», посвященного последним часам жизни Сократа, в котором собравшиеся ученики философа также не могли сдержать себя от рыданий, на что Сократ укоряет их схожей по смыслу фразой: «Ну что же вы, чудаки! Я для того, главным образом, и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, — ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!» [Платон, 1993: 79]. Историк здесь, по нашему мнению, явно делает попытку хотя бы литературно приравнять любимого им правителя к знаменитому философу.

В этом отрывке особо следует отметить фразу Аммиана о том, что Юлиан уже приобщен к небу и звездам («*caelo sideribusque*»). Эта фраза в еще большей степени выдает в нем знатока сочинений Платона. В платонической и неоплатонической традиции звездам отводилась ведущая роль, как «колесницам душ людей». Звезды — это то место где души пребывают до воплощения в тела и куда уходят после смерти. Платон об этом достаточно подробно рассуждает в «Тимее» («Всю эту новую смесь он (т. е. Демиург) разделил на число душ, равное числу звезд, и распределил их по одной на каждую звезду. Возведя души на звезды, как на некие колесницы, он явил им природу Вселенной») [Платон, 1994: 444]. В дальнейшем эти представления

разовьет Плотин, которого впоследствии также упоминает Аммиан и у которого есть два трактата, специально посвященных этой тематике — «О том, что делают звезды» во второй Эннеаде («Таковы логосы, связывающие нас со звездами, от которых мы получаем души...») [Плотин, 2016а: 143], и «О полученных нами демонах» в третьей Эннеаде («Когда души освобождаются отсюда, они приходят к звездам, созвучным их характерам и силе...») [Плотин, 2016б: 220]. Безусловно, делая подобное замечание, Аммиан знал этот общий платонический контекст.

Философы Максим и Приск, с которыми Юлиан беседует перед смертью, — это ближайшие учители императора и представители Пергамской школы неоплатонизма. Максим Эфесский и Приск из Феспротии после его гибели подверглись гонениям со стороны императоров Валентиниана I и Валента в 364 г. [Лосев, 2000б: 408—409].

В дальнейшем Аммиан предлагает читателю краткий панегирик любимому правителю. И вновь, дабы усилить «философский» образ императора Юлиана, подчеркнуть прямую связь между его образом жизни и характером его правления Аммианом привлекаются диалоги Платона. В этом месте «Res Gestae» он пишет о философских добродетелях Юлиана: «По определению философов, есть четыре главные добродетели: умеренность, мудрость, справедливость и мужество («temperantia prudentia iustitia fortitudo»), к которым присоединяются другие, внешние, а именно: знание военного дела, власть, счастье и благородство («scientia rei militaris, auctoritas felicitas atque liberalitas»). Все их вместе и каждую в отдельности Юлиан воспитывал в себе самым ревностным образом. Так, прежде всего, он блистал таким нерушимым целомудрием, что после смерти своей супруги не знал больше никогда никакой любви. Он ссылался на рассказ Платона о трагике Софокле. Когда того в старости уже спросили однажды, имел ли он еще дело с женщинами, он сказал, что нет, и прибавил, что считает счастьем освобождение от этой страсти, как от дикого и жестокого владыки» [Аммиан Марцеллин, 2005: 358—359; Ammianus Marcellinus, 1940: 502]. Это отступление Аммиана следует разбить на две части, поскольку оно комбинирует информацию из двух диалогов Платона. В первой части, безусловно, речь идет о добродетелях стража из XII книги диалога «Законы»:

«Итак, по-видимому, надо принудить стражей нашего божественного государства, прежде всего, научиться тщательно различать то, что состоит из четырех частей, на самом же деле составляет единство и тождество: оно включает в себя, как мы говорили, мужество, рассудительность, справедливость и разумность и заслуженно носит единое имя добродетели» [Платон, 1972: 473—474]. Рассказ же о Софокле мы встречаем в I книге диалога «Государство», откуда он взят Аммианом практически без каких-либо изменений: «Например, поэту Софоклу был при мне задан такой вопрос: «Как ты, Софокл, насчет любовных утех? Можешь ли ты еще иметь дело с женщиной?» — «Помолчал бы ты, право, — отвечал тот, — я с величайшей радостью ушел от этого, как уходят от яростного и лютого повелителя»» [Платон, 1994: 81].

И, наконец, четвертое упоминание связано уже с 374—375 гг. и правлением императоров Валента и Валентиниана I. Аммиан здесь пишет о судебных процессах на Востоке в Антиохии при Валенте, свидетелем которых он был непосредственно, и в связи с этим говорит о судебных речах, юристах и различных видах адвокатов. «Профессию судебных ораторов великий Платон («amplitudo Platonis») определяет так: *πολιτιχής μοτίού είδωλον*, т. е. тень частицы политической науки, или как четвертую часть лести; Эпикур, называя ее *χαροτεχνία* (искусство обманывать), причисляет ее к дурным искусствам. Тизий называет ее орудием убеждения, и с ним соглашается Горгий Леонтинский» [Аммиан Марцеллин, 2005: 516]. И далее: «В древние времена трибуналы славились изяществом речей, когда ораторы, обладавшие блестящим даром слова, прилежно занимавшиеся науками, выделялись талантом, честностью, богатством и обилием красоты слова. Таков был Демосфен. Когда предстояло ему говорить, то, по свидетельству аттических историков, стекались люди со всей Греции, чтобы его послушать. Точно так же, когда Каллистрат вел знаменитое дело об Оропе, сам Демосфен пришел его послушать, оставив Академию и Платона» [Аммиан Марцеллин, 2005: 517]. В этом случае Аммиан показывает знакомство с платоновским диалогом «Горгий»: «Суть этого занятия я зову угодничеством. Оно складывается из многих частей, поваренное искусство — одна из них. Впрочем, искусством оно только кажется; по-моему, это не искусство, но навык и сноровка. Частью того же

занятия я считаю и красноречие, и украшение тела, и софистику — всего четыре части соответственно четырем различным предметам» [Платон, 1990: 496].

Также в тексте «Res Gestae» постоянно, хотя и в небольшом количестве, присутствуют своеобразные «платонические» отступления. Так, рассказывая о смерти Цезаря Галла в 354 г., Аммиан Марцеллин позволяет себе довольно пространное рассуждение о природе возмездия и справедливости: «Такие и бесчисленное множество других подобных дел совершают воздающая за зло, а иной раз (о, если бы это было всегда!) за добро Адрастея, которую мы также называем другим именем — Немезида. Высшая правда воздействующего на мир божества заключается, по людским представлениям, в лунном круге, или, по определению некоторых, является индивидуальным духом-покровителем, направляющим судьбу каждого человека от его рождения; древние теологи признают ее дочерью Справедливости и учат, что она из таинственной вечности взирает на все совершающееся на земле. Она, как царица всех причин, вершительница всех дел, мешает жребии в урне судьбы, изменяя последовательность событий, приводя наши начинания иногда к результату, противоречащему нашим намерениям, и в вечной смене вершит разные дела. Нерасторжимыми узами необходимости опутывает она человеческую, тщетно воздымающуюся гордыню, возвышая и низвергая, как она сама захочет, то подавляет и топчет надменное высокомерие, то с самого низа возносит к счастливой жизни достойных. Потому-то в древних сказаниях приданы ей крылья, чтобы указать этим на быстроту, с которой она поспевает всюду налету, в руки дан руль, и под ноги подставлено колесо, дабы ясно было, что она правит миром, проникая во все стихии» [Аммиан Марцеллин, 2005: 38].

Вновь это отступление Аммиана необходимо разбить на отдельные части, поскольку здесь комбинируется информация, как из платоновской, так и уже из неоплатонической традиции. Упоминание Адрастеи содержится у Платона в диалоге «Федр», в котором философ подробно рассуждает о законе Адрастеи, связанном с кругооборотом, перевоплощением душ, их служением Богу или отпадением от него [Платон, 1993: 157]. Адрастеей клянется Сократ в V книге диалога «Государство»,

поскольку «опасается ее мести за слишком смелые мысли об общности жен и детей в государстве» [Платон, 1994: 224]. Немесида упомянута Платоном в IV книге диалога «Законы» как «вестница Правосудия» [Платон, 1972: 191].

Во многом этот отрывок пересекается и с окончанием X книги диалога «Государство», где речь идет о веретене Ананки (Необходимости) и трех ее дочерях: Клото, Атропос и Лахесис, дающих душам людей жребии жизни [Платон, 1994: 416—420]. В том же «Федре» у Платона присутствует и богиня Дике — вершительница справедливости в тысячелетнем круговороте жизни души, с той лишь разницей, что о крыльях и окрыленности Сократ говорит применительно к душе человека, а не богини [Платон, 1993: 158].

Таков платоновский контекст этого отрывка. Неоплатонические влияния можно увидеть в том месте, где Аммиан говорит об индивидуальных духах-покровителях человека, определяющих судьбу каждого («*substantialis tutela generali potentia partibus praesidens fatis*»). Как упоминалось выше, у Плотина есть отдельный трактат в третьей Эннеаде, «О полученных нами демонах», представляющий собой «детализацию платоновского учения о судьбе душ» [Лосев, 2000а: 653]. Под демоном или даэмоном, или же гением как раз понимается своеобразный внутренний руководитель человека, «которого мы выбираем перед воплощением на земле» [Лосев, 2000а: 654].

Дальнейшее развитие идей этого трактата мы обнаруживаем в другом месте текста Аммиана, где упоминается уже имя основателя неоплатонизма Плотина. Так, рассказывая о предзнаменованиях смерти императора Констанция II, историк снова допускает пространное рассуждение о божествах/демонах, дающих человеку при рождении: «Теологи утверждают, что всяко- му человеку при самом рождении независимо от ожидающей его судьбы дается такое божество как бы для того, чтобы направлять его поступки; являются же они в видимом образе лишь очень немногим, тем, кто выделились [выделился] особенными доброде- телями» [Аммиан Марцеллин, 2005: 247], ссылаясь даже на комика конца IV начала III в. до н. э. Менандра и приводя его фразу «При самом рождении приставляется к каждому человеку демон, мистагог его жизни» [Аммиан Марцеллин, 2005: 248]. И далее:

«Точно так же бессмертные поэмы Гомера дают понять, что не боги небесные беседовали с героями, помогали им в боях и поддерживали их: в общении с героями состояли их гении. Благодаря особенным их внушениям возвысились, как рассказывают, Пифагор, Сократ, Нума Помпилий, старший Сципион и, как некоторые полагают, Марий и Октавиан, тот, что первый получил титул Августа; точно так же Гермес Трисмегист, Аполлоний Тианский и Плотин, который в своих творениях решился истолковать эти мистические вопросы и глубоким анализом показал, на каких основаниях эти гении, связанные с душами смертных людей, как бы приняв их в свое лоно, охраняют их, насколько это возможно, и дают им высшие знания, если увидят, что они чисты и свободны от скверны, которая возникает от соединения с телом» [Аммиан Марцеллин, 2005: 248].

И снова Аммиан неявно цитирует Плотина и его трактат «О полученных нами демонах», в котором сказано: «Ибо мы выбираем начало, стоящее выше нас, согласно выбору образа жизни» [Плотин, 216b: 224]. В то же время это может быть одновременно и отсылка к платоновскому «Тимею»: «Что касается главнейшего вида нашей души, то ее должно мыслить себе как демона, приставленного к каждому из нас богом; это тот вид, который, как мы говорили, обитает на вершине нашего тела и устремляет нас от земли к родному небу, как небесное, а не земное порождение» [Платон, 1994: 497].

Отдельно стоит отметить, что историк, говоря о тех, кто истолковывает «мистические вопросы» («ausus quaedam super has re disserere mystica»), помимо Плотина ставит в этот ряд Гермеса Трисмегиста и Аполлония Тианского. И это не случайно, так как оба имени стоят в одном ряду в платоновской и неоплатонической философской и интеллектуальной традиции. Так, с именем Гермеса Трисмегиста («Трижды величайшего») связаны 18 небольших греческих трактатов религиозного, морального и философского содержания, получивших условное название «Поймандр» («Пастырь мужей»). В греческой литературе первых веков нашей эры имя Гермеса вообще было чрезвычайно популярно, и, как правило, связывалось с источником новой мудрости, нового знания, тем более что Гермес олицетворялся с египетским богом письменности и счета Тотом, который, в свою очередь,

особо почитался в платоновской философии [Лосев, 2000d: 286]. Этот так называемый герметический корпус был популярен в век Аммиана и упоминается в сочинениях неоплатоников того времени Порфирия и Ямвлиха [Лосев, 2000d: 287]. Аммиан Марцеллин, безусловно, знал эту литературу, и упоминание Гермеса в его труде более чем оправдано.

В отличие от Гермеса Трисмегиста Аполлоний Тианский — это несомненно историческая личность. Он жил в I в. н. э. и происходил из города Тианы в малоазийской Каппадокии, и его активная философская деятельность пришлась на годы правления императоров Калигулы, Клавдия и Нерона [Лосев, 2000a: 80]. Об Аполлонии писали Апулей, Лукиан, Кассий Дион и, в особенности знаменитый ритор III в., Флавий Филострат, у которого есть произведение «Жизнеописание Аполлония Тианского». Сам Аполлоний «сделался героем философской легенды, одним из двух главных святых неопифагорейства, в которых оно выразило свой идеал философской жизни. Другим таким святым кроме Аполлония был сам Пифагор...» [Лосев, 2000a: 80; Удальцова, 1968: 40]. Он также упоминается у неоплатоников рубежа III—IV вв.

Имя основателя неоплатонической философии, философа III в. Плотина, было распространено не только в узких философских, но и в более широких интеллектуальных кругах того времени. Так, историк и философ IV века, современник Аммиана Марцеллина, Евнапий Сардский, в своем труде «О тех, кто уже составлял историю философов» считает нужным особо отметить, что «алтари Плотина и теперь еще теплятся, а книги его в гораздо большей степени, чем сочинения самого Платона, в ходу не только у образованных людей, но и огромное множество народа, когда случается им слышать что-либо из его учений, склоняется к ним» [Евнапий, 1997: 230]. В целом, для образованной среды Римской империи IV в. было характерно то состояние, когда интеллектуал, если он не принадлежал к христианству, «автоматически» становился неоплатоником или, по крайней мере, симпатизировал этому кругу людей. Таков был и Аммиан, по своему складу, если и не философ, то, по крайней мере, человек, глубоко знающий и понимающий платоновское и неплатоновское учение.

Далее в XXII книге «Res Gestae», описывая Египет и Александрию, он продолжает показывать свою интеллектуальную и философскую эрудицию, перечисляя философов и грамматиков, живших там, и замечает, что «отсюда происходили знаменитый грамматик Аристарх, глубокий исследователь науки Геродиан, учитель Плотина Аммоний Саккас и многие другие писатели, создавшие себе имя в литературе. Среди них выделялся Диодим Халкентер, известный обилием разнообразных познаний» [Аммиан Марцеллин, 2005: 292]. Грамматик Аристарх («Aristarchus grammaticae») — это Аристарх Самофракийский, греческий ученый, глава Александрийской библиотеки, исследователь и хранитель сочинений Гомера, Гесиода, Эсхила, Софокла и Аристофана [Словарь античности, 1989: 46]. «Глубокий исследователь науки Геродиан» («et Herodianus artium minutissimus sciscitator») — это Элий Геродиан, также греческий грамматик из Александрии, автор труда «Всеобщее учение об акцентах и количествах», посвященного Марку Аврелию [Словарь античности, 1989: 133]. Диодим Халкентер («Chalcenterus Didymus») — это греческий грамматик второй половины I в., анализировавший творчество различных писателей, сочинявший словари и комментарии [Словарь античности, 1989: 182]. И, наконец, Аммоний Саккас Александрийский («et Saccas Ammonius Plotini magister»), живший на рубеже II—III вв., — христианин, перешедший в язычество, носильщик по профессии (откуда его прозвище Саккас, то есть Мешочник), непосредственный учитель Плотина, хотя сам и не оставил после себя ни одного письменного труда, философ, одним из первых попытавшихся совместить доктрины Платона и Аристотеля [Лосев, 2000а: 169].

Также в этом рассказе Аммиана упоминаются еще два крупнейших философа — это Пифагор и Анаксагор. Их присутствие в тексте связано с широко распространенными в греческой философской мысли представлениями о Египте как источнике знаний и мудрости, что было укоренено и в платоновской философской традиции («*per mundum omnem inveniet mathemata huius modi ab Aegypto circumlata*»). Пифагор, по мнению Аммиана, усвоив египетскую мудрость, «сумел придать всему, что говорил или намеревался сделать, высший авторитет и часто показывал свое золотое бедро в Олимпии, и его видели беседующим

с орлом» [Аммиан Марцеллин, 2005: 293] («quicquid dixit aut voluit auctoritatem esse instituit ratam, et femur suum aureum apud Olympiam saepe monstrabat») [Ammianus Marcellinus, 1940: 306], Анаксагор же благодаря этой мудрости «смог предсказать каменный дождь и, потрогав ил из колодца, — предстоящее землетрясение» [Аммиан Марцеллин, 2005: 293] («hinc Anaxagoras lapides e caelo lapsuros et putealem limum contrectans tremores futuros praedixerat terrae») [Ammianus Marcellinus, 1940: 306]. Оба этих эпизода также демонстрируют нам философскую начитанность Аммиана Марцеллина. В первом случае историк, по все видимости, ссылается на сочинение неоплатоника Порфирия «Жизнь Пифагора» [Порфирий, 2010а: 420], которое достаточно точно цитирует, во втором случае — это вольно пересказанный эпизод из труда Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» [Диоген Лаэртский, 2010: 96].

В заключение своего «египетского» экскурса Аммиан упоминает еще и Солона, который, «воспользовавшись изречениями египетских жрецов, издал свои справедливые законы и оказал ими великую помощь римскому праву» [Аммиан Марцеллин, 2005: 293]. Традиция приписывать Солону путешествие в Египет и составление законов по образцу египетского законодательства идет еще от Геродота [Геродот, 1993: 19], однако в этом случае Аммиан, без сомнения, имеет в виду начало диалога Платона «Тимей» и рассказ о Солоне одного из участников этого диалога Крития [Платон, 1994: 426—430]. Далее идет фраза, которая в оригинале звучит следующим образом: «Ex his fontibus per sublimia gradiens sermonum amplitudine Iovis aemulus Platon visa Aegypto militavit sapientia gloriosa» [Ammianus Marcellinus, 1940: 306—308]. В этом месте находится лакуна, и в английском издании текста Аммиана в серии Loeb Classical Library имя Платона вставлено издателем «по смыслу» [Ammianus Marcellinus, 1940: 308]. Действительно, уже начиная с III в., с сочинения Диогена Лаэртского [Диоген Лаэртский, 2010: С. 138], и вплоть до VI в., уже в поздней неоплатонической традиции, в трудах таких Александрийских философов-неоплатоников, как Олимпиодор [Олимпиодор, 2010: 414] сказано, что Платон посещал Египет, хотя этот факт явно вымыщен поздней традицией. Вполне возможно, что в эпоху Аммиана подобные представления о Платоне,

наделявшие философа, по сути, мифологическими чертами, уже сформировались в интеллектуальной среде, и Аммиан просто воспроизвел их в своем труде. Отметим, что в русском переводе «Res Gestae» вместо имени Платона стоит «Иисус», что согласуется с некоторыми конъектурами этого места в тексте, однако не согласуется со смыслом всего «египетского» отступления Аммиана [Аммиан Марцеллин, 2005: 293]³.

Также в некоторых местах «Res Gestae», напрямую не связанных с философской тематикой, можно обнаружить своеобразные смысловые вставки, выдающие знакомство Аммиана с классической греческой философией. Так, в рассказе о затмениях Солнца и причинах этого явления он пишет о том, что «Луна не имеет собственного света» [Аммиан Марцеллин, 2005: 195] («quam numquam habere proprium lumen opiniones variae collegerunt») [Ammianus Marcellinus, 1940: 12]. В этом случае историк, по нашему мнению, косвенно ссылается на соответствующее место в платоновском «Кратиле»: «Похоже, он нечто старое выдал за новое, сказав, что Луна получает свет от Солнца» [Платон, 1990: 644].

В рассказе о пожаре храма Аполлона Дафнейского в 362 г., который император Юлиан вменил в вину христианам и приказал закрыть главную церковь в Антиохии, мы можем обнаружить и любопытную альтернативную версию этих событий, когда «философ Асклепиад… прибыл издалека с целью повидать Юлиана и остановился в этом предместье. Он поставил у ног большой статуи маленькое серебряное изображение Небесной богини («deae caelestis argenteum breve figmentum»), которое повсюду носил с собой, и, возжегши, по обычаю, перед ним восковые свечи, ушел из храма, а после полуночи, когда никого не было в храме и никто не мог прийти на помощь, вылетавшие искры упали на старое дерево, вспыхнувший в сухом материале огонь разгорелся и пожрал все до самого верха здания» [Аммиан Марцеллин, 2005: 282]. Небесная богиня это, конечно же, без сомнения, Афродита

³ 3. В. Уdal'ycova также принимает чтение «Иисус», который, по ее мнению, «для Аммиана Марцеллина — не бог, а один из “учителей мудрости”, основатель новой религии»: Уdal'ycova З. В. Мировоззрение Аммиана Марцеллина // Византийский Временник. 1968. Вып. 28. С. 41.

Небесная (Урания), фигурирующая в диалогах Платона и «Эннеадах» Плотина [Платон, 1993: 89; Плотин, 2016б: 248]. Философ Асклепиад («Asclepiades philosophus») — это философ-киник IV в., упоминавшийся в произведениях того же Юлиана [Император Юлиан, 2016: 300].

Заключение

Подведем некоторые итоги. Прежде всего, следует отметить философскую эрудицию Аммиана. По количеству перечисленных им философов, риторов и грамматиков ему просто нет равных в позднеантичной языческой исторической литературе. Философы, упомянутые в «Res Gestae», — это, прежде всего, Платон, Сократ, Плотин, Аммоний Саккас, Максим Эфесский, Приск из Феспротии, Эпикур, Горгий Леонтийский, Аполлоний Тианский, Пифагор, Анаксагор, Асклепиад, Пасифил, Симонид, Перегрин. Из непосредственно или опосредованно цитируемых философских трактатов, конечно же, лидируют диалоги Платона, такие как «Горгий», «Кратил», «Федон», «Федр», «Государство», «Тимей» и «Законы». Затем Аммиан Марцеллин цитирует Плотина и его трактаты «О том, что делают звезды» (II Эннеада) и «О полученных нами демонах» (III Эннеада). И, наконец, историка также выдает знакомство с трактатом «Жизнь Пифагора» неоплатоника Порфирия и с широко известным античным произведением «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского.

Далее следуют грамматики и риторы — Демосфен, Аристарх Самофракийский, Элий Геродиан, Диодор Халкентер, комедиограф Менандр, оратор Демосфен, трагик Софокл.

Тем не менее, отвечая на главный вопрос нашего исследования, следует сказать, что Аммиан Марцеллин — это тот историк, который привлекает платоновскую философию не для своеобразного «украшения» своего текста. Он, без сомнения, прекрасно разбирается в ней, ее основных положениях и понятиях и с их помощью тем самым «усиливает» свои размышления и многочисленные отступления. Аммиан, вне всякого сомнения, знает центральное понятие всей платоновской философии — учение об идеях. На основе этого в «Res Gestae» присутствуют

представления, базирующиеся на трудах Платона и Плотина, о круговороте, перерождении души человека согласно закону Адрастеи. Аммиан правильно понимает, что звезды — это то место где обитает душа до своего воплощения в материальный, чувственный мир. И, наконец, историк достаточно точно излагает представления об индивидуальных духах-покровителях человека, даэмонах, дающихся ему с самого рождения.

Особо следует отметить образ императора Юлиана, одного из центральных персонажей всего произведения. Основные положения философии Платона и Плотина встречаются именно в тех местах текста «Res Gestae», где речь идет о характеристике этого правителя, тем самым раскрывается и без того убедительный образ императора как приверженца и ревнителя исключительно языческих взглядов.

Поэтому все вышеперечисленные факты, бесспорно, выдаются в Аммиане Марцеллине автора, цитирующего и упоминающего философов-платоников не хаотично и беспредметно, а с глубоким пониманием смысла этого цитирования.

Список источников

- Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. М.: АСТ, 2005. 631 с.*
- Анонимные пролегомены к платоновской философии // Платон. Диалоги / пер. с древнегр. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ю. А. Шичалина, Т. Ю. Бородай и др. М.: Мысль, 1986. С. 476—506.*
- Геродот. История / пер. с древнегр. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1993. 600 с.*
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегр. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2010. 570 с.*
- Дмитриев В. А. Аммиан Марцеллин в отечественной историографии // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 32—42.*
- Дмитриев В. А. Сасанидское государство в известиях римского историка Аммиана Марцеллина // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 12—23.*

- Евнапий. Жизни философов и софистов // Римские историки IV века /* пер. с древнегр. Е. В. Дарк, М. Л. Хорькова. М.: РОССПЭН, 1997. С. 225—297.
- Император Юлиан. Полное собрание творений /* пер. с древнегр. Т. Г. Сидаша, Л. И. Щеголевой и др. СПб.: Квадриум, 2016. 1088 с.
- Кареев Д. В. Сражения у крепости Сингара и римско-персидские войны императора Констанция II: к вопросу о хронологии и последовательности событий // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 4. С. 135—152.*
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 6: Поздний эллинизм. М.: АСТ, 2000а. 958 с.*
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 7: Последние века, кн. I. М.: АСТ, 2000б. 511 с.*
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 7: Последние века, кн. II. М.: АСТ, 2000с. 543 с.*
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 8: Итоги тысячелетнего развития, кн. I. М.: АСТ, 2000д. 830 с.*
- Олимпиодор. Жизнь Платона // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов /* пер. с древнегр. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2010. С. 412—415.
- Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту: в 3 т. /* пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.; Л.: Изд.-во АН СССР, 1949—1951. Т. II: Годы 51—46. 1950. 511 с.
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 1 /* пер. с древнегр. Вл. С. Соловьева и др. 1990. 860 с.
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 2 /* пер. с древнегр. С. А. Ананьина и др. 1993. 526 с.
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 3 /* пер. с древнегр. С. С. Аверинцева и др. 1994. 654 с.
- Платон. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1968—1972. Т. 3, ч. 2 /* пер. с древнегр. С. Я. Шейнман-Топштейн и др. 1972. 678 с.
- Плотин. Вторая эннеада /* пер. с древнегр. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016а. 384 с.
- Плотин. Третья эннеада /* пер. с древнегр. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016б. 480 с.
- Порфирий. Жизнь Пифагора // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов /* пер. с древнегр. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2010а. С. 416—426.

- Порфирий. Жизнь Плотина // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегр. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2010б. С. 427—440.*
- Словарь античности / пер. с нем. Е. В. Гущина, И. В. Колосова и др. М.: Прогресс, 1989. 704 с.*
- Удалыцова З. В. Мировоззрение Аммиана Марцеллина // Византийский Временник. 1968. Вып. 28. С. 38—60.*
- Ammianus Marcellinus / with an English translation J. C. Rolfe. Vol. I. L.: Harvard University Press, 1935. 589 p.*
- Ammianus Marcellinus / with an English translation J. C. Rolfe. Vol. II. L.: Harvard University Press, 1940. 689 p.*
- Barnes T. D. Ammianus Marcellinus and His World // Classical Philology. 1993. Vol. 88, №. 1. P. 55—70.*
- Barnes T. D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. N. Y.: Cornell University Press, 1998. 304 p.*
- Kalafikis G. Ammianus Marcellinus on the Military Strategy of the emperor Valentinian I (364—375 AD): General Principles and Implementation // Byzantiaca. 2014. Vol. 31. P. 15—50.*
- Matthews J. F. The Roman Empire of Ammianus. Baltimore: John Hopkins University Press, 1989. 608 p.*
- Matthews J. F. The origin of Ammianus // Classical Quarterly. 1994. Vol. 44, №. 1. P. 252—269.*
- Morley G. Beyond the Digression: Ammianus Marcellinus on the Persians // Journal of Ancient History and Archaeology. 2016. №. 3. P. 10—25.*
- Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. L.; N. Y.: Routledge, 2002. 324 p.*

References

- Ammianus Marcellinus (2005), *Rimskaja istorija* [Roman history], Translated by Kulakovskiy, Yu. A. and Sonni, A. I., AST, Moscow, Russia.
- Ammianus Marcellinus* (1935), Translated by Rolfe, J. C., vol. I, Harvard University Press, London, UK.
- Ammianus Marcellinus* (1940), Translated by Rolfe, J. C., vol. II, Harvard University Press, London, UK.
- ‘Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy’ (1986), Platon. *Dialogi* [Dialogues], Translated by Sheinman-Topstein, S. Ya., Shichalin, Yu. A., Borodai, T. Yu. and others, Mysl’, Moscow, Russia, pp. 476—506.

- Barnes, T. D. (1993), 'Ammianus Marcellinus and His World', *Classical Philology*, vol. 88, no 1, pp. 55—70.
- Barnes, T. D. (1998), *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*, Cornell University Press, New York, USA.
- Gerodot, (1993), *Istoriia* [History], Translated by Stratanovsky, G. A., Ladomir, Moscow, Russia.
- Diogenes Laertius, (2010), *O zhizni, ucheniiakh i izrecheniiakh znamenitykh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Translated by Gasparov, M. L., AST, Moscow, Russia.
- Dmitriev, V. A. (2007), 'Ammianus Marcellinus in Russian historiography', *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta, seria: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Pskov State University Bulletin, series: Social sciences and humanities], no. 1, pp. 32—42.
- Dmitriev, V. A. (2008), 'Sassanian state in the news of the Roman historian Ammianus Marcellinus', *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta, seria: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Pskov State University Bulletin, series: Social sciences and humanities], no. 3, pp. 12—23.
- Emperor Julian, (2016), *Polnoe sobranie tvorenii* [Complete Collection of Creations], Translated by Sidash, T. G., Shchegoleva, L. I. and others, Kvadrivium. St. Petersburg, Russia.
- Eunapius, (1997), 'The lives of philosophers and sophists', *Rimskie istoriki IV veka* [Roman historians of the IV century], Translated by Dark, E. V. and Khorkova, M. L., Rossiiskaia politicheskia entsiklopediia, Moscow, Russia, pp. 225—297.
- Kalafikis, G. (2014), 'Ammianus Marcellinus on the Military Strategy of the emperor Valentinian I (364—375 AD): General Principles and Implementation', *Byzantiaca*, vol. 31, pp. 15—50.
- Kareev, D. V. (2018), 'The battles at the fortress of Singara and the Roman-Persian wars of Emperor Constantius II: on the question of the chronology and sequence of events', *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], no. 4, pp. 135—152.
- Losev, A. F. (2000a), *Istoriia antichnoi estetiki. Pozdnii ellenizm* [History of ancient aesthetics. Late Hellenism], AST, Moscow, Russia.
- Losev, A. F. (2000b), *Istoriia antichnoi estetiki. Poslednie veka*. [History of ancient aesthetics. The last centuries], vol. I, AST, Moscow, Russia.
- Losev, A. F. (2000c), *Istoriia antichnoi estetiki. Poslednie veka*. [History of ancient aesthetics. The last centuries], vol. II, AST, Moscow, Russia.
- Losev, A. F. (2000d), *Istoriia antichnoi estetiki. Itogi tysiacheletnogo razvitiia* [History of ancient aesthetics. The results of millennial development], vol. I, AST, Moscow, Russia.

- Matthews, J. F. (1989), *The Roman Empire of Ammianus*, John Hopkins University Press, Baltimore.
- Matthews, J. F. (1994), 'The origin of Ammianus', *Classical Quarterly*, vol. 44, no 1, pp. 252—269.
- Morley, G. (2016), 'Beyond the Digression: Ammianus Marcellinus on the Persians', *Journal of Ancient History and Archaeology*, no. 3, pp. 10—25.
- Olympiodorus, (2010), 'Life of Plato', Diogenes Laertius, *O zhizni, ucheniiakh i izrecheniiakh znamenitykh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Translated by Gasparov, M. L., AST, Moscow, Russia, pp. 412—415.
- Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu.* (1950), [Letters from Mark Tullius Cicero to Atticus, relatives, brother of Quintus, M. Brutus], Translated by Goreshsteina, V. O., vol. II, 51—46 years: Akademiiia Nauk SSSR, Moscow; St. Petersburg, Russia.
- Platon, (1990), *Sobranie sochinenii. v 4 tomakh* [Collected works in 4 volumes], Translated by Soloviev, Vl. S and others, vol. 1, Mysl', Moscow, Russia.
- Platon, (1993), *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [Collected works in 4 volumes], Translated by Ananyin, S. A. and others, vol. 2, Mysl', Moscow, Russia.
- Platon, (1994), *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [Collected works in 4 volumes], Translated by Averintsev S. S. and others, vol. 3, Mysl', Moscow, Russia.
- Platon, (1972) *Sochineniia v 3 tomakh* [Collected works in 3 volumes], Translated by Sheinman-Topstein, S. Ya., Egunova, A. I. and Kondratyev, S. P., vol. 3, ch. 2, Mysl', Moscow, Russia.
- Plotinus, (2016a), *Tret'ia enneada* [Third Ennead], Translated by Sidasha, T. G., Izdatel'stvo Olega Abyshko, St. Petersburg, Russia.
- Plotinus, (2016b), *Vtoraia enneada* [Plotinus Second Ennead], Translated by Sidasha, T. G., Izdatel'stvo Olega Abyshko, St. Petersburg, Russia.
- Porphyry, (2010a), 'Life of Pythagoras', Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniiakh i izrecheniiakh znamenitykh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Translated by Gasparov, M. L., AST, Moscow, Russia, pp. 416—426.
- Porphyry, (2010b), 'Life of Plotinus', Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniiakh i izrecheniiakh znamenitykh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Translated by Gasparov, M. L., AST, Moscow, Russia, pp. 427—440.
- Rohrbacher, D. (2002), *The Historians of Late Antiquity*, Routleg, London; New York, UK, USA.

Slovar' antichnosti [Dictionary of antiquity] (1989), Translated by Gushchina, E. V. and Kolosova, I. V. and others, Progress, Moscow, Russia.

Udal'tsova, Z. V. (1969), 'The Worldview of Ammianus Marcellinus', *Vizantiiskii Vremennik* [Byzantine Time Period], vol. 28, pp. 38—60.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Д. В. Кареев — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

D. V. Kareev — Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.